

ДОБРОВОЛЬНЫЕ УЗНИКИ ЛУБЯНКИ

Мы едем в Лубянку. Но это не та печально знаменитая Лубянка в Москве, а другая — почти никому не известная, но не менее печальной судьбы. Как и ее московская тезка, она отгорожена от вольной жизни колючей проволокой, потому что находится в зоне — 30-километровой. А живущие здесь, в чернобыльском селе Лубянка, оказались в еще худшем положении, чем в тюрьме: они вообще вне закона. Они самоселы. Люди, добровольно сославшие себя в зону. Да, меч закона их не карал, но и щит не защищал, ибо для закона они не существовали. И не существуют. Ни в первой, ни во второй редакциях украинского закона "О статусе и социальной защите граждан, пострадавших вследствие Чернобыльской катастрофы" о самоселах не сказано ни слова. А нет статуса — нет, значит, и такой социальной группы людей. "Нет человека — нет проблем", как любил говорить усатый "отец народов".

Но проблемы есть. Потому что люди эти живые. И "заключение" их в зоне хотя и добровольное, но вынужденное.

Сколько нынче самоселов — никто точно не знает. Тысяча? Полторы? Две? По спискам, составленным в прошлом году Иванковским райисполкомом, которому территориально "отошла" большая часть бывшего Чернобыльского района, — чуть свыше тысячи. Но часть зоны "приписана" еще и к Полесскому району, часть — вообще территория Беларуси. К тому же численность колеблется: кого-то все же вывозят родственники, а кто-то вернулся совсем недавно. Летом же, ближе к осени, количество самоселов почти удваивается: эвакуированные отсюда люди теперь приезжают в родные хаты как на дачи. Не в диковинку уже и дети, проводящие каникулы "у бабушки".

— Радиация? Яка радиация? Ви мені її покажіть. Як побачу, тоді, може, злякаюся, — хитро щурился глаза, говорил мне прошлым летом один еще крепкий дед в селе Ильинцы, катая пятилетнюю внучку на велосипеде среди 40-кюринных цезиевых полей...

В общем, живут люди по принципу "Эх, где наша не пропадала". Но это не та бесшабашность и тем более не молодецкая удаля, с которой предки боролись в Полесье за хлеб насыщенный и отбивались от видимых глазу врагов. Для многих это рок, финиш жизни. Полное безверие в защиту государства и надежда только на себя. Последняя надежда. Да чтоб еще здоровье не подвело. А какое здоровье на склоне лет у натруженного за долгую крестьянскую жизнь тела?

Да, большинство самоселов — пенсионеры, люди пожилые, а то и преклонных лет. Видимо, поэтому до сих пор в газетах и журналах главной причиной их возвращения называют недолимое чувство родины. "Дома, мол, и стены помогают". Так-то оно так. И я, каюсь, об этом писал. Действительно, старикам труднее, чем молодым, адаптироваться на новом месте, да и чувство родины — оно не выдуманно... Но чем больше встречаешься с самоселами, тем сильнее начинаешь понимать, что первопричина все-таки иная! Нет, не бегут люди оттуда, где им хорошо живется. Скажите, вернулся ли кто-нибудь из миллионов эмигрантов, живущих в США или Канаде, умирать в родную Украину? Я что-то таких примеров не знаю. Умирают хотя и с ностальгией по Родине, но на чужбине, где жилось в тепле и сытости и где похоронят по-человечески.

Первопричина иная: там, куда переселили чернобыльских "эмигрантов", жить было невмоготу. Ведь душу, тянущуюся к родным истокам, можно все же обмануть — сладкими словами, другими чувствами, водкой, наконец, залить. Но постоянно мерзнувшее и голодное тело не обманешь. Это

оно, помнящее тепло родной хаты, просилось назад — в зону, в радиацию. Вот почему появление самоселов объясняли "любовью к родине". Красивое объяснение, удобное — и для журналистов и для самих новоселов: ведь кому из них хотелось признаваться в испытаниях на новых местах поселения, унижениях и публично кричать, что он — неудачник... Ведь мало того, что жизнь долбанула радиационной катастрофой и эвакуацией в мирное время, так еще и после всего этого человек вытаскивал несчастливый билет...

Может быть, я сгущаю краски? Но готов доказать, что восемьдесят, а то и девяносто процентов самоселов стали ими, потому что условия жизни там, куда их переселили, были невыносимыми. Примеры? Пожалуйста.

Четвертую весну будет встречать в Лубянке Варвара Григорьевна Микитенко. Вы видите ее на снимке вместе с собакой — единственным живым существом, с которым она могла поговорить длинными зимними вечерами. Мать схоронила в прошлом году. Эвакуировали их в село Бугаевка Васильковского района Киевской области. Дали дом, кое-как слепленный из железобетонных плит. Дров почти не было. Да если бы и были — не держал тепло дом. Старая мать совсем занемогла. Весной фундамент "повело", стены стали развезаться. Но прозимовали кое-как еще одну зиму — слава Богу, младший брат привез дрова из Львова — за шестьсот километров! А мать уже почти не вставала с постели и умоляла дочь: "Вернемся обратно!" Уже пошли слухи, что кое-кто из стариков "втихаря" пробрался в зону и ничего

— жив. Наконец, тихая и робкая Варвара тоже решила: "Хуже не будет". Думала, не довезет мать живую, а в родной хате — вот чудо! — за несколько дней оклемалась, на ноги встала, хозяйство повела... И два года еще прожила, радуясь каждому новому дню.

Варваре сейчас одной тягостно очень. Правда, раз-два в год навещается брат. Снова дрова привез (вот такая несурная жизнь: в лесной край возить обрезки досок за шесть сотен километров). Садит Варвара картошку, держит кур. Из райцентра Полесского приезжает автолавка: три раза в неделю привозят хлеб, а по четвергам — молоко. Так что один день из семи для нее как маленький праздник.

Сейчас в Лубянке на 500 дворов живет 80 человек. Среди них Иван Васильевич и Евдокия Игнатовна Феценко. Для них эвакуация длилась вообще два месяца. Помыкались по чужим углам в селе Диброва в нескольких километрах от Лубянки, да и вернулись. А там подросло уже и орогод копать... Снова завели свиней, корову, коня. Живут! Внук Виталий вот приехал на весенние каникулы. Да и с кем его оставить в Киеве? Растет без отца, а мать, эвакуированная из Припяти, часто болеет, опять в больницу попала.

— Не хотите уезжать? — спрашиваю Евдокию Игнатовну.

— Куда? В Диброву? Что толку? Остались бы там, а сейчас опять переселяться? Диброва-то еще грязнее Лубянки оказалась. Этим летом оттуда всех людей вывезут.

Феценко, как и Микитенко, — пенсионеры. А вот Дусе Радкевич всего 20 лет. Вместе с родителями была эвакуирована из села Ильинцы. Новый дом в селе Право Жовтня Згуровского района, специально построенный для переселенцев, лишь одну зиму "радовал" их протекающей крышей и промерзшими стенами, а весной рухнул совсем! Слава Богу, никого не убило. Вернулись в Ильинцы всей семьей. Дуся вышла замуж за своего же односельчанина-самосе-

ла. И скоро в семье появится еще один "самосел": в начале лета Дуся станет матерью. В Ильинцах, кстати, детей, постоянно живущих в зоне, больше, чем в других селах. Есть и грудной ребенок, и трехлетний, и подростки. Впору открывать посреди зоны ясли и школы!

Как решить проблему самоселов? Есть две полярные — иначе у нас не бывает — точки зрения. Первая: выселить всех немедленно. Силой. Это типичный пример нашего родного "гуманизма с винтовкой в руках". Вторая: пусть живут, раз хотят, но надо создать все условия: магазины, аптеки, газ, кино... А это уже гуманизм наизнанку: жить-то опасно, какое кино ни показывай...

Но есть и третий, более сложный и непривычный для нас, воспитанный коммунистической доктрины, путь: предоставить людям право выбора. Но не просто право, а чтобы было из чего выбирать. Сначала построить хорошие, на совесть, усадьбы со всеми удобствами в разных — скажем, в восьми или десяти — селах и городах, потом провезти по ним людей, показать и предложить: выбирайте! Уверен, Дуся Струк (бывшая Радкевич) вместе с мужем выбралась бы сразу. Варвара Микитенко согласилась бы, скорее всего, на однокомнатную квартиру со всеми удобствами. Дольше всех колебались бы, наверное, Феценко. Но если бы увидели рядом с новым домом большой хозяйственный блок, где можно и свиней держать, и корову доить, и коня поставить — что, не переехали бы?

Конечно, найдутся и те, кто уже никуда не захочет ехать. Кое-кто из упрямства, а кое-кто потому, что слишком стар и чувствует, что уже не хватит сил начать жизнь на новом месте... Тут уж ничего не поделаешь. Но сколько будет таких? Мне кажется, не больше, чем один человек из десяти. Вообще и один человек — много. Но ведь у него был выбор. И он его сделал. Значит, все справедливо.

Проект, безусловно, стоит денег. Но жизнь-то человеческая бесценна. Или это по-прежнему для нас лишь слова?

Шесть лет тысяча с лишним человек живут вне закона. Шесть лет на радиоактивной земле! И если мы действительно стремимся жить в правовом государстве, а не разводиться об этом демагогиею, то пора, наконец, определить судьбу чернобыльских самоселов. И всю жизнь просить у них прощения за свою долгую бессердечность. За Лубянку — радиоактивную тюрьму...

В. ДЕМЕНЕВ

